

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

А. А. Яковлев

ПЕРЕВОД И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

**ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
И ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Андрей Яковлев

**Перевод и межкультурное
взаимодействие**

«Сибирский федеральный университет»

2017

УДК 811.111:81'25(07)

ББК 81.432.1я73

Яковлев А. А.

Перевод и межкультурное взаимодействие / А. А. Яковлев —
«Сибирский федеральный университет», 2017

ISBN 978-5-7638-3603-5

Представлены лекционный материал по теоретическим вопросам перевода и практические задания, направленные на формирование основных переводческих компетенций. Предназначено для аудиторной и самостоятельной работы студентов бакалавриата (45.03.02 «Лингвистика») и магистрантов (45.04.02 «Межкультурная коммуникация и перевод») и охватывает две дисциплины: «Перевод и межкультурное взаимодействие» и «Практика перевода в аспекте межкультурной коммуникации». Может быть использовано для самостоятельной подготовки всеми интересующимися переводом с английского языка на русский и с русского на английский.

УДК 811.111:81'25(07)

ББК 81.432.1я73

ISBN 978-5-7638-3603-5

© Яковлев А. А., 2017

© Сибирский федеральный
университет, 2017

Содержание

Введение	5
Раздел I	6
Тема 1. Понятия перевода, эквивалентности и адекватности. Способы достижения эквивалентности и адекватности текстов различных функциональных стилей и жанров	7
Тема 2. Понятие единицы перевода. Формальные, стилистические и культурные особенности перевода	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

А. А. Яковлев

Перевод и межкультурное взаимодействие Учебное пособие

Введение

Пособие состоит из двух разделов, первый из которых соответствует дисциплине «Перевод и межкультурное взаимодействие», второй – дисциплине «Практика перевода в аспекте межкультурной коммуникации».

Первый раздел посвящён теоретическим вопросам перевода с позиций межкультурного общения. Он состоит из пяти тем, покрывающих лекционные занятия по этой дисциплине.

Второй раздел посвящён формированию практических навыков перевода и состоит из трёх частей, первая из которых направлена на формирование самых общих, базовых навыков будущего переводчика и может быть обозначена как введение в профессию.

В первой части второго раздела работа идёт в основном с письменным переводом. Вторая часть включает в себя наряду с текстами для письменного перевода и тексты для устного перевода или перевода с листа. Преподаватель может организовать занятие таким образом, чтобы учащиеся сами по одному читали отрывки (которые вводятся в курс начиная с 15-го урока), а остальные учащиеся группы переводили их последовательно. В зависимости от уровня группы возможно неоднократное воспроизведение отрывков или работа с ними (или с самыми сложными из них) в виде перевода с листа. Тот же самый формат работы может быть предложен и для полноценных текстов на устный последовательный перевод. Первая часть второго раздела соответствует первой части дисциплины «Практика перевода в аспекте межкультурной коммуникации» – письменный перевод, поэтому имеет подзаголовок «Письменный и устный перевод». Третья часть второго раздела соответствует второй части той же дисциплины, поэтому имеет подзаголовок «Устный и письменный перевод». Подзаголовки призваны подчеркнуть, что вторая часть второго раздела направлена в основном на формирование компетенций письменного перевода, третья часть второго раздела – в основном на формирование компетенций устного последовательного перевода.

Каждый урок второго раздела предваряется замечаниями теоретического характера, иногда такие же замечания предшествуют отрывкам на последовательный перевод. Эти замечания предназначены не столько для того, чтобы познакомить учащегося с некоторыми положениями теории перевода, сколько для того, чтобы дать ему информацию о тех трудностях, с которыми может столкнуться начинающий переводчик в своей профессиональной практике.

Весь объём основных заданий рассчитан на 144 часа аудиторного времени, однако в зависимости от учебного плана и особенно от уровня знаний учащихся преподаватель может варьировать это время, оставляя некоторые части уроков на самостоятельную работу студентов.

Раздел I

Перевод и межкультурное взаимодействие

Первый раздел данного пособия посвящён теоретическим вопросам перевода. Пять тем, из которых он состоит, дают общие представления об основных вопросах современного переводоведения.

В первую очередь будут рассмотрены подходы к определению и изучению перевода, затем – основные понятия теории перевода, после чего будут освещены некоторые вопросы собственно деятельности переводчика и в конце раздела – вопросы переводческой этики.

Тема 1. Понятия перевода, эквивалентности и адекватности. Способы достижения эквивалентности и адекватности текстов различных функциональных стилей и жанров

Если понимать перевод как соотношение систем двух языков или как соотношение двух текстов, то в самом процессе перевода нет и не может быть того, чего нет в языке и в языковых знаках. А значит, об особом статусе переводоведения как науки говорить не приходится.

На сегодняшний день, однако, практически общепринятым считается мнение, что переводоведение (или теория перевода) окончательно сформировалось в отдельное, самостоятельное научное направление, имеющее собственные объект, предмет, систему понятий и категорий, методы исследования. Научные работы, так или иначе связанные с общими и частными вопросами перевода, не поддаются обзору. Прояснить многочисленные фигуры и сюжеты этой пёстрой картины трудно, но некоторые тенденции наметить можно.

Положение дел в отечественном и зарубежном переводоведении, которые на современном этапе их развития, конечно, не находятся в изоляции, во многом сходно.

Зарубежное переводоведение прошло длинный путь и пережило несколько этапов изменения довлеющего подхода к изучению перевода [Snell-Hornby 2006; Venuti 2004], что, впрочем, не мешает некоторым авторам выражать сомнения (вполне справедливые) в качестве изменений: они касаются лишь формы, не затрагивая концептуального аппарата теорий. Высказываются иногда и весьма смелые мнения, что переводоведение за последние десятилетия не прошло такого внушительного пути, как принято считать [Kuhwiczak, Littau 2007: 5–6; Snell-Hornby 2006: 2].

Среди новых веяний в науке о переводе разные авторы называют социологический поворот, идеологический поворот, также никем не оспаривается влияние когнитивной лингвистики. С другой стороны, между многими авторами не всегда наблюдается идейная общность, даже при её констатации самими авторами.

Так, Э. Честерман замечает, что, несмотря на отмечаемый многими учёными переход от лингвистических теорий перевода к теориям культурно-ориентированным, часто игнорируется тот факт, что сама лингвистика вышла за рамки привычного для неё объекта, а многие переводоведческие труды рассматривают перевод не столько с культурологических, сколько с социологических позиций, что вносит некоторую путаницу [Chesterman 2006: 9–10]. Между тем и сам Э. Честерман, относя к культурно-ориентированным исследованиям рассмотрение идей (мемов), а к социально-ориентированным – рассмотрение наблюдаемого поведения людей [Там же: 10–11], упускает, как представляется, из виду, что нередко поведение обусловлено некоторыми нормами и стандартами (например, традиции), которые, в свою очередь, имеют непосредственное отношение к культуре. Более того, эти традиции, обуславливающие поведение людей в тех или иных видах общения, существуют в сознаниях этих людей, т.е. как идеи. Таким образом, наблюдая лишь видимое поведение людей (переводчиков), мы не сможем с достаточной степенью обоснованности говорить о причинах этого их поведения, не изменив нашу точку зрения на них, что будет уже социологическим «перекосом». Получается, что в попытках снять одно ограничение мы накладываем на себя самих другое, в чём-то более узкое ограничение.

М. Розарио Мартин Руано указывает, что многие учёные склонны позиционировать свои изыскания как претендующие на универсальность и абсолютность или на исключительность. Сама она скептически относится и к первым, и ко вторым, так как первые не учитывают, что разрабатываемые ими положения – это лишь одна из возможных точек зрения, вторые игно-

рируют разносторонность перевода [Rosario Martín Ruano 2006: 47–48]. Однако из этого положения некоторые лингвисты делают вывод о невозможности междисциплинарного изучения перевода [Там же: 48].

М. Розарио Мартин Руано также соглашается с М. Кронином в том, что болезнь универсализма сменилась болезнью диверсификации [Там же: 49], которая выражается в эклектизме и игнорировании работ других авторов, не вписывающихся в рамки исследования.

После периода бурного расцвета идей в 80-е и 90-е зарубежное переводоведение столкнулось с проблемой поиска самого себя и самоопределения в том разнообразии, которое им же и было порождено [Kuhiewicz, Littau 2007: 5]. Однако такой поиск, как правило, направлен также на частные проблемы, а вопросы о текстовых различиях сменились вопросами культурных (этнических, гендерных и т.д.) различий, но поиски ответов на них осуществляются всё в том же ключе, что неминуемо ведёт к эклектизму и мнимому прогрессу [Там же]. Работы одних авторов в большей или меньшей степени склоняются к традиционному взгляду на перевод [Pym, Shlesinger, Simeoni 2008], другие же авторы стремятся выйти за привычные рамки лингвистического, литературоведческого или культурологического взгляда на перевод [Gambier, Shlezinger, Stolze 2007; Wing-Kwong Leung 2006].

Ещё в большей степени такая ситуация характерна для отечественного переводоведения, где большинство учёных, занимающихся проблемами перевода, могут быть разделены (хотя и несколько условно) на два идеологических «лагеря»: те, чьи взгляды близки традиционным подходам, зародившимся несколько десятилетий назад, и те, кто преподносит свои концепции как альтернативу традиционным теориям, пытаясь разрабатывать проблемы перевода под новым углом зрения. Обратимся сначала к первому «лагерю».

Если несколько десятилетий назад на страницах монографий, учебников и сборников статей нередко можно было встретить серьёзную полемику вокруг тех или иных вопросов онтологии и методологии перевода, то в настоящее время многие авторы как будто пришли к единому, общему для всех взгляду на перевод. Poleмика всё чаще сменяется апологетикой и цитированием «классиков» переводоведения, за которыми скрываются всё те же эклектика и игнорирование других точек зрения, а если полемика и встречается, то затрагивает чаще всего намного более частные вопросы, нежели сущность перевода и основные категории теории. Например, М.В. Мажутис пишет: «Если понимать перевод как акт *межъязыковой коммуникации*, то *тексты* на исходном и переводящем языках (ПЯ) *сопоставляются* с точки зрения не только языковых, но и культурных особенностей (курсив наш. – А.Я.) [Мажутис 2006: 19]. Как видно, повествование идёт полностью в русле традиционных взглядов на перевод, который понимается как языковое соотношение, меняются лишь акценты в рассмотрении этого соотношения, соответствующие более современным тенденциям в языкознании.

Встречаются даже попытки точно определить дату становления теории перевода как автономного направления в науке о языке. Так, например, Е.Л. Лысенкова называет выход книги Н.К. Гарбовского «Теория перевода» вехой, ознаменовавшей «...прорыв на пути к окончательному формированию теории перевода как относительно автономной филологической науки» [Лысенкова 2006: 111], а также констатирует якобы объективное наличие «давно существующих под другими обозначениями» законов теории перевода.

Действительно, в науке о переводе сложился комплекс мнений (чаще всего это суждения всё тех же «классиков», разработавших наиболее известные концепции и модели), которые считаются непререкаемыми, а если начинающий исследователь ссылается на них, то это, в свою очередь, считается своего рода меткой, что работа автора прочно основана на многолетней научной традиции и не противоречит ей. В такой ситуации молодой исследователь, как правило, выбирает то или иное определение понятия, исходя из удобства применения этого определения (но не содержания понятия!) к проводимому исследованию, что, к сожалению, почти всегда ведёт к эклектизму.

Данное положение дел не мешает, впрочем, многим теоретикам перевода вести дискуссии о приемлемости и содержании того или иного понятия, но дискуссии эти носят чаще всего лишь внешний, некритический, а иногда и неконструктивный характер. Например, В.Н. Шамова критикует скопос-теорию за её слишком размытую трактовку эквивалентности, однако приводит определение этого понятия, по своей неопределённости практически ничем не отличающееся от критикуемого [Шамова 2005: 179]. Ту же картину можно наблюдать в диссертации Л.Г. Романовой, полностью посвящённой этому вопросу, где даются почти идентичные определения этих понятий [Романова 2011: 12], а положения, выносимые на защиту, во многом противоречивы [Там же: 7–8]. Даже при заявлениях о первостепенной роли переводчика и внесении в понятийный аппарат новых аспектов продолжается изучение перевода с традиционных позиций, а дежурные фразы об учёте «человеческого фактора» просто витают в воздухе. С другой стороны, попытки лишь частичной коррекции понятий и подходов свидетельствуют о стремлении учёных отыскать такую методологическую процедуру, которая освободила бы их от необходимости пересмотра общих принципов, но позволила бы оставаться в рамках общепринятой терминологии. Подобные стремления, как мы полагаем, относятся и ко второму «лагерю» исследователей, возможно, даже в большей степени, – к тем, кто разрабатывает проблемы переводоведения с привлечением новых и бурно развивающихся сегодня научных направлений, не вписывающихся в ортодоксальные парадигмы и точки зрения. Рассмотрим теперь и этот «лагерь».

Изменения в языкознании совершенно закономерным образом повлекли за собой соответствующие изменения и в переводоведении [Нефёдова, Ремхе 2014]. Возникают такие ракурсы рассмотрения перевода, которые пытаются учесть его коммуникативные и когнитивные особенности [Волкова 2010]. Разумеется, с развитием смежных с переводоведением направлений появляется всё больше работ, авторы которых стремятся к соединению различных подходов для решения тех или иных вопросов и зачастую открыто заявляют о противопоставлении своих взглядов традиционным, например: [Алексеева 2010; Дзида 2010; Леонтьева 2012; Кушникова 2004; Шутёмова 2011; 2012]. Так, Н.Н. Дзида в своей диссертации рассматривает проблему асимметрии концепта при переводе художественного текста с позиций когнитивно-деятельностной теории перевода (в трактовке Н.Л. Галеевой). Новую когнитивно-деятельностную парадигму переводоведения, направленную на понимание текста оригинала, автор работы противопоставляет старой, традиционной, ориентированной на язык и культуру перевода [Дзида 2010: 7]. Однако далее, говоря о причинах асимметрии концептов при переводе, Н.Н. Дзида замечает, что проблема заключается в отсутствии эквивалентов и полных соответствий концептам в разных языках, а одним из главных факторов, затрудняющих перевод, является межъязыковая асимметрия: «При переводе с одного языка на другой происходит взаимное наложение *картин мира языка* (курсив наш. – А.Я.) перевода и языка оригинала... *Частичность и неполнота воссоздания системы смыслов оригинала* (курсив наш. – А.Я.) признаются нами *объективными свойствами* (курсив наш. – А.Я.) перевода. Они обусловлены неизбежной асимметрией любой контактирующей пары языков, *межъязыковой асимметрией* (курсив наш. – А.Я.)...» [Там же: 11]. В этом высказывании явно просматривается параллель с «классическими» теориями и моделями перевода, от влияния которых автору, очевидно, не удалось полностью избавиться.

Как попытки оспаривания традиционных теорий, так и попытки их соединения с наиболее актуальными (читай: модными) направлениями науки в большинстве своём носят внешний и фрагментированный характер и никак не связаны с серьёзным пересмотром мнений об онтологии перевода. Здесь в качестве иллюстрации в добавление к цитированной только что работе можно привести диссертацию Н.А. Мороз (ср. её определения перевода, единицы перевода, эквивалентности и др., почти дословно повторяющие традиционные [Мороз 2010: 135, 117, 20]). Хотя некий пересмотр подходов и констатируется, но чаще всего остаётся лишь на

уровне декларации, а понятия и их определения, взятые из разных направлений и теорий, просто механически сцепляются друг с другом. Ещё одним ярким примером подобного рода может быть работа Л.В. Кушниной, в которой перевод трактуется как межъязыковое и межкультурное транспонирование (т.е. попросту перенос, замена одного на другое) смысла из одного текста в другой [Кушникова 2004: 16, 388], в результате чего порождается не эквивалентный или адекватный, а гармоничный текст [Там же: 16, 395–396]. Речь вполне традиционно идёт о передаче информации с одного языка на другой или из одного текста в другой.

Даже само понятие перевода, как и в рамках «классических» теорий, трактуется либо как соотношение языковых систем [Комиссаров 1980: 37; Швейцер 1970: 41; Nida 1964: 4], либо как соотношение текстов [Бархударов 1969: 3; Catford 1965: 20], только выражается в более современных терминах. Такое стремление и быть «на волне» современной науки, и остаться в рамках традиции ведёт к эклектизму и мнимому многообразию мнений, когда каждый автор на основе собственных взглядов на перевод (в сущности своей мало отличающихся от взглядов его коллег) вырабатывает собственную терминосистему, не коррелирующую практически ни с какими другими системами; последние же либо приводятся некритически, либо просто игнорируются. Попытки привлечения данных других научных направлений не только не помогают прояснению ситуации, но нередко способствуют её ухудшению. Можно предложить сопоставить различные дефиниции, скажем, таких фундаментальных понятий, как эквивалентность и адекватность, например, в [Гарбовский 2007: 263–316; Валеева 2010: 110–137; Кулёмина 2006: 65–68; Романова 2010; Шамова 2005; Bassnett 2002: 32–38; Nida 2004; Toury 1995]. Вне зависимости от того, в каком аспекте рассматривается перевод (когнитивно-деятельностном, коммуникативно-функциональном или каком-то другом), в содержание понятий не вносится по большому счёту ничего нового, в лучшем случае приводятся аргументы в пользу того или иного толкования понятия, впрочем, далеко не всегда убедительные.

На фоне отсутствия или размытости базовых понятий и категорий не вполне понятными и часто методологически безосновательными выглядят попытки некоторых учёных выявить некие универсалии, основополагающие законы перевода. В упомянутой выше работе Е.Л. Лысенкова называет и поясняет следующие, якобы объективно существующие, законы теории перевода: перевод всегда существует в форме текста, любой текст может быть переведён много раз, всякий текст может быть переведён на другой язык и т.д. [Лысенкова 2006: 113]; см. также: [Гарусова 2007; Леонтьева 2013; Chesterman 2004; Nida, Taber 1982: 4–6; Toury 2004]. Нетрудно заметить, что подобные «законы» замыкаются на самих себе и не дают ничего переводоведению: из них невозможно далее вывести положений, реально помогающих лучше понять процесс перевода.

Нередки случаи, когда у одного автора в рамках одной и той же работы могут встретиться различные, иногда противоположные, трактовки некоторых понятий, с которыми автор соглашается. Например, Е.В. Медведева, цитируя О.С. Ахманову, говорит о переводе как о передаче информации, «...содержащейся в данном произведении речи, средствами другого языка...» [Медведева 2003: 39]. Затрагивая эквивалентность и адекватность (отметив, что адекватность – основной критерий эквивалентности), автор приводит слова В.Н. Комиссарова [Там же]. Относительно единицы перевода она, ссылаясь на А.В. Фёдорова, приходит к выводу, что выбор таковой зависит от типов (?) и жанров переводимых текстов, а также от целей и намерений переводчика [Там же]. Однако далее Е.В. Медведева заключает, что единицей перевода может быть любая единица языка – от морфемы до целого текста, но со ссылкой уже на Л.С. Бархударова [Там же]. Каким образом всё это соотносится с концепциями В.Н. Комиссарова и А.В. Фёдорова, надо сказать, далеко не полностью совпадающими, Е.В. Медведева не уточняет. При всём различии взглядов цитируемых авторов на перевод эти суждения соседствуют друг с другом на одной странице текста. Подобные ситуации, скорее всего, имеют место потому, что переводоведы либо приводят цитаты, не учитывая их контекста, не принимая во внима-

ние целостности взглядов цитируемых авторов, игнорируя место понятий в категориальных системах соответствующих теорий, либо вообще не-утруждают себя вдумчивым прочтением первоисточников.

По всей видимости, именно непререкаемость ортодоксальных теорий и некритичность подходов молодых учёных создали условия для описанной выше ситуации. Определённую роль сыграло также и стремление переводоведов продемонстрировать и доказать независимость разрабатываемого ими направления, неперемное наличие у теории перевода собственных объекта, предмета, понятий, методов и т.д., что привело к замкнутости теории перевода, к тому, что данные других наук, изучающих человека, в ней практически не используются, а если и используются, то фрагментарно и поверхностно.

Если на начальном этапе своего развития теория перевода оправданно стремилась отмежеваться от других областей науки, оказывавших на неё существенное влияние (главным образом, различных направлений и разделов лингвистики), то не пришло ли сейчас время «заглянуть за соседнюю дверь» [Gambier 2006: 32]? Возможно, именно теперь, в век всё нарастающей и усиливающейся специализации и профилизации не только науки, стоит разобраться, могут ли данные смежных наук о человеке быть применимы в науке о переводе? И если да, то какие и как? Тогда анализу следует подвергнуть и сами «классические» теории, модели и понятия, ведь создавались они как раз в процессе отмежевания переводоведения от других наук и могут не вполне подойти при интеграции данных различных научных направлений. Это будет означать не отсутствие автономии и неустойчивость терминологии переводоведения, а, наоборот, развитие, жизнеспособность понятийной системы и общих представлений о переводе.

Стремясь к интеграции различных научных направлений (а не просто констатации стремления), следует помнить, что, по справедливому замечанию Е.Е. Соколовой, «... *интеграция*, требующая действительной *системности*, строго говоря, невозможна на основе “методологического плюрализма” и эклектики (в данном случае это будет не “полилог”, о чём мечтают плюралисты, а коллективный монолог – каждый участник такого полилога будет говорить о своём)» [Соколова 2006: 110].

Следует подчеркнуть, что в переводоведении по-настоящему интегративного типа нельзя выделить и противопоставить разные его аспекты – чисто лингвистический, чисто психологический и т.п. Переводоведам следует приложить все усилия, чтобы переводоведение, во-первых, преодолело болезнь роста, при которой его понятийный и методологический аппарат складывается из отдельных разрозненных фрагментов, часто просто вырванных из других наук, но не переосмысленных, и, во-вторых, устранило прямую зависимость от взятых за основу концепций и теорий; одно без другого труднодостижимо, если вообще возможно. Это, в свою очередь, означает, что во всём широком круге вопросов, затрагиваемых переводоведением, ни один из них не должен решаться с использованием средств лишь одного какого-либо направления и не может быть отнесён к ведению только одной науки или исследовательского подхода.

По-видимому, выход из описанной ситуации терминологической и методологической неопределённости следует искать в создании такого подхода к изучению перевода, который был бы совершенно отличным от традиционных теорий (но не противопоставлен им!) и методология которого объясняла, снимала бы (в гегелевском смысле) противоречия традиционных теорий. То есть в частичном или полном переосмыслении онтологии перевода и, следовательно, в пересмотре основных положений теории (а не только терминов и их дефиниций) с идущим отсюда (именно в такой последовательности) следствием о переработке понятийного аппарата этой теории. Такой пересмотр не только желателен как свидетельство в пользу жизнеспособности теории перевода, против её ригидности и догматичности, но и необходим как основа сближения переводоведения с другими областями знания, в том числе новыми и динамично развивающимися, а не только эклектичного соединения некоторых их фрагментов. И

для такого сближения традиционные (во многом односторонние) взгляды на перевод попросту неприемлемы.

Даже сегодня встречаются определения перевода, которые были введены на заре переводоведения. При так понимаемой онтологии перевод не может быть представлен как динамический процесс, как деятельность переводчика; перевод в данном случае проецируется только на одну плоскость: либо это плоскость систем языков, либо плоскость текстов. А теория перевода сводится к сопоставительному изучению (чаще всего анализу) систем языков или текстов.

Возможен и иной, более динамический подход, при котором перевод понимается как перекодирование сообщения. Однако и здесь нас подстерегает противоречие, состоящее в приравнивании пар «язык/речь» и «код/сообщение», в редукции перевода к этим парам. Такое приравнивание неправомерно, так как речь не является ни простой манифестацией языка, ни передачей сообщения, или информации получателю [Кацнельсон 2009: 97–98; Леонтьев А.А. 2006: 51–52; 2007: 17]. А потому при рассмотрении перевода именно как вида речевой деятельности нам не могут быть полезны данные узко семиотических подходов к переводу, представляющих его именно как прямой переход от одной системы знаков к другой. Во избежание одностороннего взгляда на перевод следует рассматривать его с точки зрения речевой деятельности в целом, что крайне затруднительно без привлечения данных других наук, в частности психолингвистики и психологии.

Разумеется, если понимать перевод только как соотнесённое функционирование языков или как замену сообщения на одном языке сообщением на другом, то вопрос о деятельностной (или лучше сказать: деятельной) сущности перевода и не возникает. Толкование перевода как деятельности не ново для науки, деятельностью (в том числе речевой) перевод называли многие учёные – как «классики», так и более современные [Ширяев 1979; Валеева 2010; Whyatt 2010: 82]. Даже при декларировании психолингвистического подхода к переводу нередко анализируемые явления рассматриваются с вполне традиционных лингвистических и переводоведческих позиций [Красильникова 1998; Нуриев 2005]. Большинство авторов, употребляя слово «деятельность», не вкладывают в него того понятийного содержания, которое за ним закреплено в деятельностном подходе в психологии: «Определяя перевод как “деятельность”, авторы только подчёркивают активный характер этого процесса, не предполагая психологического анализа его содержания как деятельности» [Зимняя 2001: 122]. Зачастую учёные смело говорят о переводе как *особом виде* речевой деятельности, что, на наш взгляд, неочевидно и требует если не доказательства, то хотя бы обоснования.

В общем и целом мы согласны с суждениями И.А. Зимней (хотя и не без оговорок), которая называет перевод вторичным видом речевой деятельности: он основан как на рецептивных видах речевой деятельности (слушании, чтении), так и на продуктивных её видах (говорении, письме). Рецептивную речевую деятельность И.А. Зимняя определяет как такую, в которой предметом деятельности является чужая мысль, продуктивную – в которой предметом является собственная мысль субъекта деятельности [Там же: 125, 128], на этом основании перевод характеризуется как рецептивно-репродуктивный вид речевой деятельности [Там же: 126]. Однако же подобное разграничение видов речевой деятельности мы считаем несколько категоричным. Нельзя однозначно утверждать, что, например, при чтении текста индивид воспринимает именно чужую мысль, что она не становится его достоянием, его собственной мыслью; выражения типа «отыскать смысл в тексте» или «передать смысл» являются в лучшем случае метафорами, которые нельзя понимать буквально [Заика 2012: 232]. Скорее, содержание текста возбуждает во мне, читающем или слушающем, мою собственную мысль; смысл текста – это всегда мой смысл, того конкретного человека, который означает текст (см.: [Заика 2012: 232–234; Залевская 2002: 63–64; Рубакин 2006: 106]).

Также нельзя согласиться с тем, что три звена перевода (осмысление, понимание смысла, формирование и формулирование высказывания) всегда последовательны во времени относи-

тельно одного отрезка сообщения, как это утверждает И.А. Зимняя [Зимняя 2001: 131]. Даже для самого малого отрезка характерны «наложения» разных психических процессов, о чём подробно будет сказано ниже.

Наряду с высказываниями о звеньях перевода очевидна некоторая атомарность приводимой И.А. Зимней схемы: «...Если элементарный коммуникативный акт определяется отношением $G_1 \rightarrow C_2$ [Говорящий $\rightarrow$ Слушающий. – А.Я.], то есть говорит один человек и слушает второй, то в процессе перевода этот акт опосредуется деятельностью переводчика и определяется отношением $G_1 \rightarrow \text{СПЕРЕВОДЧИК} \rightarrow \text{Г ПЕРЕВОДЧИК} \rightarrow C_2$ » [Там же: 133].

Такое соотношение участников перевода представляет его чисто формально и представляется шагом назад – к модели перевода, в которой переводчик сначала выступает в роли только слушателя, а потом в роли только говорящего, в конце концов – к трактовке перевода как перехода от одного сообщения к другому. Мы полагаем, что И.А. Зимняя не до конца проводит логику различения перевода как речемыслительной деятельности и как общественного явления.

Следует сказать, что, в отличие от речевого акта, который, по словам А.В. Бондарко, начинается со смысла и кончается смыслом [Бондарко 1978: 126], в процессе перевода последовательность переходов от «работы» со смыслом к «работе» с языковыми элементами обратная – перевод начинается с восприятия языковых единиц (звуковых или графических) и заканчивается такими же единицами, выражением смысла с их помощью. Это позволяет сделать вывод о структурных особенностях перевода: перевод является как бы «вывернутым наизнанку» речевым актом.

Ещё одной характерной чертой перевода, отличающей его от других видов речевой деятельности, является, по всей видимости, то, что в речевой деятельности язык используется как система ориентиров либо для осуществления собственной деятельности индивида, либо для обеспечения ориентировки других людей [Леонтьев А.А. 2003: 292], а при переводе язык всегда используется для *обеспечения ориентировки* других людей в мире субъект-объектных (человек – вещь) и субъект-субъектных (человек – человек) отношений. Но обязательность ориентировки других людей не исключает наличия ориентиров для собственной деятельности переводчика. Особыми здесь являются лишь случаи обучения переводу, но они относятся не столько к самому переводу, сколько к обучению, то есть общению между учителем и учащимся. При обучении обеспечивается ориентировка того, кто переводит, а точнее, учится переводить.

Важным представляется высказаться в пользу трактовки перевода как речемыслительной, а не только лишь речевой деятельности. При рассмотрении модели перевода мы увидим, что в переводе велика доля психических процессов, не связанных напрямую с языком. Если перевод не есть мыслительная деятельность, как утверждает И.А. Зимняя, то с его помощью очень проблематично развивать мышление. Развитие мышления при обучении переводу не только реально, но насущно и целесообразно. Характеристики мышления и мыслительного акта, рассмотренные в той же главе, полностью относятся и к переводу, что подтверждает нашу позицию. Ниже не везде перевод назван речемыслительной деятельностью, а лишь речевой для удобства и краткости, но всегда имеется в виду и мыслительная «составляющая» перевода.

Все упомянутые отличия перевода от других видов речевой деятельности могут показаться как бы самоочевидными, поверхностными – лежащими на поверхности. Действительно, до сих пор нами рассматривались имманентные характеристики перевода для обоснования его трактовки как речемыслительной деятельности. Но «с одной речью человеку делать нечего: она не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности» [Леонтьев А.А. 2007: 27]. Закономерно возникает вопрос: можно ли найти и следует ли искать обоснования для трактовки перевода как вида речемыслительной деятельности вне самого этого процесса, так сказать, трансцендентно? Ведь перевод, как говорилось выше, всегда включён в состав и структуру поведения человека. По всей видимости, именно там, в

этой общей деятельности человека в целом, мы только и найдём существенные и не сводимые к самому процессу перевода доводы в пользу такой трактовки. Одним из наиболее очевидных ответов здесь будет следующий: перевод является особым видом деятельности потому, что в обществе существует профессия переводчика со всеми вытекающими отсюда следствиями. В сознании и языковой картине мира индивида, в социальной практике, в культуре существует устойчивый образ людей, занимающихся именно этой профессиональной деятельностью, учебных заведений, готовящих таких людей, а также тех, кто нуждается в подобных специалистах. То есть в обществе существуют такие «профессионалы языка» (наряду с журналистами, редакторами и т.д.), которые осуществляют именно переводческую профессиональную деятельность [Chesterman 2006: 14–15, 19]. По справедливому и остроумному замечанию В.А. Артёмова, речь становится деятельностью, когда за неё начинают платить деньги (цит. по: [Леонтьев А.А. 1997: 63]). Перевод как вид речевой деятельности обслуживает такие виды профессиональной деятельности, в которых цель не может быть достигнута никаким другим путём, кроме перевода. Следовательно, доводы в пользу подхода к переводу как особому виду речемыслительной деятельности имеют не столько внутренний (хотя и внутренние характеристики тоже важны), сколько внешний по отношению к переводу характер – они лежат в сфере конкретных ситуаций взаимодействия людей, в сфере закономерностей жизни и развития общества и культуры.

Говоря в общем, перевод как вид речевой деятельности рождается не из наличия некоторых элементов или явлений, а из отношений, складывающихся между социальными индивидами в их взаимодействии и средствами и способами осуществления их общения (не только речевого).

Учитывая вышесказанное, рабочее определение перевода будет следующим. *Перевод – это речемыслительная деятельность по нахождению способа выражения смысла текста средствами языка перевода в конкретных условиях ситуации общения.* Перевод, собственно, и состоит в выработке, формировании этого способа. Ниже более подробно будет рассмотрено именно такое толкование перевода вместе с некоторыми традиционными его трактовками.

Важно понимать, что в реальной деятельности переводчик не только не придерживается логико-рационалистических критериев при переводе, – его выбор в принципе довольно хаотичен и многогранен, и его очень сложно подвести под общую тенденцию или модель. Невозможно приравнять теорию как построение учёного и реальные действия переводчика (первые отражают не речемыслительные процессы в рамках деятельности переводчика, а то, как учёный интерпретирует результаты и продукты этих процессов). Всё большую перспективность для исследования действий переводчика приобретает разработка таких экспериментальных приёмов, которые учитывали бы все факторы – от самых объективных до наиболее субъективных и эмоциональных. Создание таких экспериментальных методов – дело будущего.

Вопросы и задания

1. Сравните основные черты отечественного и зарубежного переводоведения. Что их объединяет, а что различает?
2. Какие преимущества и недостатки имеют традиционные и более современные подходы к переводу?
3. Какие изменения в лингвистике, по вашему мнению, послужили толчком к каким изменениям в переводоведении?
4. Какими универсалиями, по вашему мнению, обладает перевод?
5. Ознакомившись с несколькими работами, приведёнными выше, обоснуйте своё мнение о том, какая трактовка перевода наилучшим образом подходит для того или иного типа текста.
6. Может ли переводоведение охватить все сущностные характеристики перевода? Обоснуйте ваш ответ.

Тема 2. Понятие единицы перевода. Формальные, стилистические и культурные особенности перевода

Понятия «эквивалентность» и «адекватность» являются базовыми для общей теории перевода. Их чёткое определение считается жизненно необходимым для любой теории и различных теоретических и практических исследований, где эти понятия являются одними из наиболее обсуждаемых. В связи с этим возникают два основных вопроса. Во-первых, возможен ли частично эквивалентный перевод, допустим ли такой перевод в переводческой практике? Во-вторых, считать ли эти два термина синонимами или же между ними есть различие (и если есть, то какое)?

С различных сторон эквивалентность рассматривается в рамках теории уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова [Комиссаров 1980]. Вполне обоснованная, по нашему мнению, критика этой теории дана в статье А.Н. Крюкова [Крюков 1984]. «...На первый же вопрос, который возникает в связи с системой пяти типов эквивалентности, – когда, где и какой тип эквивалентности следует реализовывать и на каком типе переводчику следует в том или ином случае остановиться – лингвистическая концепция ответа не даёт и дать не может, потому что, как мы уже отмечали, исходит из презумпции свершённости перевода, элиминируя тем самым коммуникативную историю порождения текстов оригинала и перевода. Поэтому и модель уровней эквивалентности – это, строго говоря, не модель интуиции переводчика, как полагает В.Н. Комиссаров (интуиция, сводящаяся к типам эквивалентности, позволяет *выбирать* текст из числа имеющихся, но не порождать его самому, что имеет дело в действительности), а, скорее, модель рефлексии учёного, исследователя, который занимается теоретическим осмыслением перевода уже после того, как переводчик сделал свое дело» [Крюков 1984: 10–11].

В науке существует и противоположное мнение: перевод может и должен быть эквивалентным не на каком-то одном уровне, а во всём комплексе ПТ. «Только если перевод на уровне языковых знаков и высказывания объективно невозможен... оправдано установление эквивалентности на таком высоком уровне, как уровень сообщения, когда ситуация объявляется минимальным компонентом смысловой структуры, подлежащим передаче» [Ермолович 1977: 21]. Переводчик должен стремиться достигнуть эквивалентности на максимально возможном количестве уровней, которые структурно и функционально различны, более высокий не состоит из единиц более низкого. Подразумевается, что достигнутая эквивалентность на каком-либо из этих уровней сохраняется и на более высоких [Там же: 12]. А значит, эквивалентность на одном не гарантирует эквивалентности на другом. Следовательно, необходимо достигать именно такой эквивалентности, которая не могла бы быть отнесена только к какому-то одному уровню. Такую точку зрения мы считаем более перспективной.

А.В. Фёдоров употреблял термин «адекватный» в значении «полноценный, семантико-стилистически эквивалентный» [Фёдоров 1983: 127]. Но более подробно этот вопрос не рассматривался: оставалось неясным, какое именно место занимает в такой трактовке семантическое содержание, какое место отдано стилю. Термины «адекватность» и «эквивалентность» употреблялись синонимически: «адекватный» значит «семантико-стилистически эквивалентный».

Подобное же мнение высказывал и Р.К. Миньяр-Белоручев: «Адекватный перевод – воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка. Адекватный перевод является целью художественного перевода» [Миньяр-Белоручев 1980: 221]. Однако такое определение не может быть признано удовлетворительным: как известно, между планом выражения и планом содержания нет изоморфизма. «Отсутствие изоморфизма между планом выражения и планом содержания приводит к тому, что одна единица содержательного плана может оказаться “распределённой” между несколькими единицами плана выражения

и, наоборот, несколько единиц содержательного плана могут оказаться сосредоточенными в одной единице плана выражения» [Кацнельсон 2009: 20]. Так что на практике достижение единства формы и содержания весьма сомнительно. К тому же в определении Р.К. Миньяр-Белоручева, как и многих других ученых, термины «эквивалентный» и «адекватный» употребляются как синонимы, что неочевидно.

Некоторые исследователи справедливо полагали, что одного только соответствия между исходным текстом (ИТ) и переводным текстом (ПТ) недостаточно, и это дало основания говорить о динамической эквивалентности, которая, в свою очередь, дала почву для возникновения так называемой скопос-теории. Так, Ю. Найда считает, что нельзя рассматривать принципы соответствий при переводе, не признавая, что существует множество различных типов перевода. Различия в видах перевода можно объяснить тремя основными факторами: 1) характер сообщения; 2) намерение автора; 3) тип аудитории. По его мнению, существуют два основных типа эквивалентности: формальная и динамическая. При формальном виде перевода переводчик пытается буквально воспроизвести форму и содержание. Перевод, цель которого – создать не формальную, а динамическую эквивалентность, базируется на «принципе эквивалентного эффекта» [Найда 1978: 115]. При таком переводе стремятся создать динамическую связь между сообщением и получателем на языке перевода, которая (связь) была бы такой же, как связь, существующая между сообщением и получателем на языке оригинала.

Под формальной эквивалентностью понимается наиболее близкое соответствие формы и содержания ИТ и ПТ, динамическая эквивалентность заключается в наиболее равноценном воздействии перевода на реципиента [Hatim, Mason 1990: 5]. Употребление этого различия некоторыми исследователями расширяется. Ньюмарк, например, использует термины «семантический» и «коммуникативный перевод» [Newmark 1981: 39]. Но здесь, однако, возникает закономерный, но остающийся без ответа вопрос: как быть в случае, когда необходимо передать и формы ИТ? Случаи (надо сказать, весьма частые), когда динамическая эквивалентность достигается за счёт формальной эквивалентности (нужный эффект на получателя производит именно форма сообщения, текста), остаются нерассмотренными. Они и не могут быть проанализированы с позиций столь резкого разделения двух видов эквивалентности.

А.Д. Швейцер резюмировал точку зрения на динамическую эквивалентность: «Динамическая эквивалентность – это свойство перевода, в котором содержание исходного сообщения передано таким образом, что реакция иноязычного получателя во всех существенных чертах соответствует реакции получателя сообщения на исходном языке» [Швейцер 1973: 75]. Такая трактовка несколько односторонне отражает процесс восприятия текста конечным его получателем как реакции на текст. К тому же мнение, что «цель перевода состоит не в подгонке текста под чье-либо восприятие, а в сохранении содержания, функций и идейно-художественной ценности оригинала» [Виноградов 1978: 24], вполне разумно.

При всей своей привлекательности, модная и во многом успешная скопос-теория создаёт определённые затруднения, главное из которых состоит в том, что, во-первых, реакцию получателя текста часто предугадать сложно, а во-вторых, нацеленность лишь на определённое воздействие на реципиента может увести переводчика от подлинной эквивалентности.

С другой стороны, существует мнение о невозможности определения строгих рамок эквивалентности. В.С. Виноградов, например, считает, что эквивалентность перевода подлиннику – понятие всегда относительное. Степень сближения с оригиналом зависит от многих факторов – от мастерства переводчика, от особенностей сопоставления языков и культур, характера переводимых текстов. По его мнению, эквивалентность – это сохранение относительного равенства смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации [Там же: 18]. Такое определение наталкивается на ряд трудностей. Если учесть все (или хотя бы самые значимые) приводимые им факторы, от которых зависит степень сближения ИТ и ПТ, то такое сближение почти неосуществимо.

Н.К. Гарбовский, в свою очередь, пишет: «Каждый переводчик-практик, освоив теоретические основы перевода, вырабатывает собственную концепцию эквивалентности, которой он и руководствуется в своей творческой деятельности, принимая решения в силу своей общекультурной и языковой компетенции» [Гарбовский 2007: 316]. Получается, что эквивалентностей может быть сколько угодно много: существует отдельная система эквивалентности для каждого переводчика.

Возможно, что именно подобные идеи толкают на мысль о недостаточности понятий эквивалентности и адекватности. Например, Н.А. Мороз приходит к выводу, что «критериев адекватности и эквивалентности для оценки перевода недостаточно» [Мороз 2010: 155–156]. Но различие этих двух понятий автор видит том, что «адекватность ориентирована на воспроизводство коммуникативной составляющей (эффекта) исходного текста, в то время как эквивалентность нацелена на соответствие воспроизводимого текстового варианта соответствующим критериям базового (исходного) текста» [Там же: 20]. Это приемлемое разграничение, но оно внутренне противоречиво: не вполне понятно, каким именно критериям ИТ должен соответствовать ПТ и почему «эффект» рассматривается отдельно, как будто потенциальное коммуникативное назначение не заложено в самом тексте. К тому же из такого весьма размытого понимания эквивалентности и адекватности характеристики процесса перевода невыводимы. Трактовка Н.А. Мороз остаётся взглядом на уже свершившийся перевод. И если вслед за нею представить перевод в виде системы транспонирования смыслов текста одной культуры в текст другой культуры [Там же: 135], то эквивалентности и адекватности действительно недостаточно. Но такое понимание перевода возможно только по отношению к литературному переводу, который как раз и рассматривается в работе Н.А. Мороз, но неприемлем для характеристики перевода вообще.

Проблемой является и то, что большинство учёных пытаются установить и разграничить эквивалентность и адекватность на уровне слов, словосочетаний и предложений, постулируя при этом, что переводу подвергается текст.

Так, В.Н. Комиссаров задаётся вопросом: «...в какой степени адекватный перевод всех высказываний текста в отдельности обеспечивает адекватный перевод текста в целом?» [Комиссаров 1976: 9]. Можно с уверенностью ответить: ни в какой. Перевод текста как цельного речевого произведения не может быть сведен к переводу отдельных высказываний.

Мы считаем, что преодоление этой проблемы может быть в значительной мере обеспечено решением вопроса о проведении чёткого различия между адекватностью и эквивалентностью. Но трудность здесь заключается в том, что эти термины, как отмечалось, часто необоснованно употребляются как синонимы.

Весьма глубокое научное описание различия понятий, обозначаемых терминами «эквивалентность» и «адекватность», отметил А.Д. Швейцер: «Если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» [Швейцер 1988: 95]. «Адекватный» означает «оптимальный в данных коммуникативных условиях». «Перевод может быть адекватным даже тогда, когда конечный текст эквивалентен исходному лишь на одном из семиотических уровней или в одном из функциональных измерений», – заключил он [Там же: 96]. В общем и целом с такой трактовкой можно согласиться. В таком понимании эквивалентность и адекватность не слишком обособляются и между ними не ставится знак равенства.

Если принимать во внимание приведенные выше определения, то эквивалентность представляется как соответствие функционального, семантического и стилистического планов ПТ соответствующим планам ИТ. Адекватность – как конкретные языковые средства достижения эквивалентности, т.е. средства, пути, которыми три вышеуказанных плана ИТ достигают своего выражения (точнее, не они сами, а за счет действий переводчика) в ПТ. Однако это не

означает, что эквивалентность соответствует плану содержания текста, а адекватность – плану выражения. Между этими двумя планами нет ни прямого изоморфизма, ни абсолютного противопоставления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.